

Захарова Ольга Владимировна
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация
o.v.zaharova@utmn.ru

Ахмедова Ирина Дмитриевна
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация
i.d.akhmedova@utmn.ru

Суворова Людмила Григорьевна
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация
l.g.suvorova@utmn.ru

Пупышева Ирина Николаевна
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация
i.n.pupysheva@utmn.ru

Захаров Антон Викторович
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация
a.v.zaharov@utmn.ru

Зеленые ценности: многообразие контекстов обсуждения

Аннотация. В статье дано определение понятия «зеленые ценности» и на основе анализа статей, монографий были выделены и описаны контексты, исследовательские оптики и категории, которые связаны с зелеными ценностями. Выводы статьи являются важными для эмпирических исследований зеленых практик и определения их критериев, для теоретических изысканий в дисциплинарных областях, сталкивающихся с вопросами ценностей и оценок. Понимание ценностей, лежащих в основе действий людей, может способствовать принятию более эффективных управленческих решений и социально-экономическому развитию.

Ключевые слова: зеленые ценности; экологический кризис; зеленые практики; ценности; гармонизация отношений общество – природа

Zakharova Ol'ga Vladimirovna
University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation
o.v.zaharova@utmn.ru

Akhmedova Iuina Dmitrievna
University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation
i.d.akhmedova@utmn.ru

Suvorova Ljudmila Grigor'evna
University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation
l.g.suvorova@utmn.ru

Pupysheva Irina Nikolaevna

University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation

i.n.pupysheva@utmn.ru

Zakharov Anton Viktorovich

University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation

a.v.zaharov@utmn.ru

Green values: the diversity of discussion contexts

Abstract. The purpose of this article is to describe the contexts, points of view, and categories associated with environmental values. The main conclusions of the study are: first, when discussing environmental values, there is a categorical diversity; second, environmental values can be expressed as a subject of concern, motive, result, common goals, guidelines; third, the same categories have different meanings in different contexts; and fourth, the categorical diversity and diversity of meanings leads to a variety of assessments of actions in relation to the environment and the reasons for decision-making. Understanding the values that underlie people's actions can contribute to more effective decision-making and socio-economic development.

Keywords: environmental values; environmental crisis; environmental /green practices; values; harmonization of relations between society and nature

Введение

С 70-х гг. XX в. человечество признало существование экологического кризиса как глобальной проблемы современности [Meadows, Meadows., Randers, Behrens, 1972]. Этот кризис описывается как «переход биосферы в состояние, непригодное для жизни» [Гирусов, 2006: 1160], что проявляется в истощении ресурсов, сокращении биоразнообразия, загрязнении планеты отходами жизнедеятельности человечества и т.д. Благодаря исследованиям, которые были инициированы в этой связи, стало ясно, что экологический кризис может быть преодолен только путем серьезной духовной, технологической, политической, социальной «перестройки» цивилизации для выстраивания более гармоничных отношений человечества с природой. «Перестройка» цивилизации может быть обозначена как зеленая траектория цивилизации, по аналогии с зеленой экономикой, зелеными движениями в обществе, зеленой повесткой и зелеными партиями в политике. Переход цивилизации на зеленую траекторию требует как духовной и социально-экономической перестройки, так и «ревизии концептуального аппарата социального познания» [Сафронов, 2011: 82].

Трудности с которыми сталкиваются исследователи связаны с многообразием определений понятия «ценность». Ситуация усложняется тем, что одна и та же ценность может иметь различное содержание в различных социальных практиках. Например, в экономическом контексте ценность окружающей среды связана с ценностью земли как природного ресурса, который может быть использован по-разному застройщиком, фермером или туристом: «Для любого ресурса часто бывает

так, что альтернативные виды использования не являются взаимодополняющими и даже могут быть взаимоисключающими, и именно это часто порождает конфликт» [Cocklin, 1988 : 94]. Исследователи приходят к выводу, что споры о зеленых ценностях являются запутанными, потому что термины используются совершенно по-разному в самых разных контекстах [Tadaki, Sinner, Chan, 2017], а, в результате, теоретики тратят время и силы в ожесточенных спорах, вместо того, чтобы принимать взвешенные решения и осуществлять действия, гармонизирующие общество и природу [Callicott, 2002: 10].

Сталкиваясь с такой категориальной трудностью, некоторые ученые предпочитают утверждать, что существуют не ценности, а «различные пути, раскрывающие, как люди, процессы и места становятся значимыми для нас, а так же наше отношения к ним и рассуждения о действии» [O'Neill, Holland, Light , 2008: 1]. С этой точки зрения, ценности являются пространственно и исторически обусловленными отношениями и смыслами, которые связывают людей с их окружающей средой и экосистемами, что ставит перед исследователями вопрос: каким образом люди извлекают смыслы из экосистем и их процессов [Klain S. C., Satterfield, Chan, 2014: 310–320]? При такой постановке проблемы вопросы о зеленых практиках и зеленых ценностях оказываются тесно переплетены, и изучение зеленых практик, на наш взгляд, должно начинаться с понимания того, что включает в себя множественность ценностей, лежащих в основе этих практик: «Этическая рефлексия должна быть встроена в различные виды человеческого отношения к нашей окружающей среде, а также в объемный и богатый этический словарь, с помощью которого мы формулируем эти отношения» [O'Neill J., Holland, Light, 2008: 9]. Таким образом, «ревизия концептуального аппарата» должна включать обзор ценностей, которые мы можем отнести к зеленым ценностям и их систематизацию.

Целью статьи является описание контекстов, исследовательских оптик и категорий, связанных с зелеными ценностями. Контекст – единое смысловое поле историко-социо-культурного дискурса, охватывающее основные ценностные категории и определяющее их смысл как смысл элемента этого поля. Контекст лишает ценностные категории однозначности, допуская существование других контекстов и потому, оставляет эти категории недоопределенными. Этим объясняется вариативность ценностных определений, вплоть до противоположных. Важность контекста заключается в самой возможности определить категории [пусть даже контекстуально] и классифицировать их. Внутри контекста мы выделяем исследовательские оптики. Исследовательская оптика – это фокусировка исследовательского взгляда на проблемных, неопределенных и напряженных зонах, требующих разрешения, понимания и определенности. Каждая исследовательская оптика имеет не только свой исследовательский масштаб, но и свой ценностно-категориальный аппарат. Ценностные категории – это общие понятия, обозначающие социально значимое в данном контексте.

Описание контекстов, исследовательских оптик и категорий, связанных с зелеными ценностями, является важным для начала эмпирических исследований зеленых практик, а также для теоретических изысканий в области философии, психологии, социологии и других дисциплин, сталкивающихся с вопросами ценностей и оценок действий, затрагивающих окружающую природную среду. Кроме того, понимание ценностей, лежащих в основе действий людей, может способствовать принятию более эффективных управленческих решений чего бы они не касались: поддержки малого предпринимательства, разработки стратегических документов социально-экономического развития, реализации концепции умного города и т.д. Понимание ценностных оснований делает возможным диалог, совместное принятие решений относительно использования природных ресурсов, территорий и других спорных вопросов.

Для достижения поставленной цели мы дали предварительное определение зеленых ценностей, которое является формально-логическим, включающим множественность понимания ценностей. Мы определили зеленые ценности как социально обусловленные, универсальные, позитивные значения материальных и духовных явлений, гармонизирующих отношения человек – природа – общество. В данном исследовании мы отождествляем зеленые ценности с англоязычным понятием «Environmental Values», и предполагаем, что экологические ценности являются частью зеленых ценностей и обозначают значимые для общества противоречия в отношениях с природой. В свою очередь биосферные ценности являются частью экологических и зеленых ценностей и оценивают затраты и выгоды действий людей по отношению к биосфере или экосистеме.

Далее, на основе анализа статей мы выделили контексты, исследовательские оптики и категории, которые связаны с зелеными ценностями. В результате было получено категориальное поле того, что можно отнести к зеленым ценностям в теоретических исследованиях. В последней части статьи обсуждаются полученные результаты и делаются выводы.

Методы и результаты

На основе анализа монографий, посвященных экологическим ценностям, «Environmental Values» [Kalof, Satterfield, 2005; O'Neill, Holland, Light, 2008] и статьи в Стенфордской философской энциклопедии «Environmental Ehtics» [Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2002; 2015] мы выделили контексты теоретического обсуждения зеленых ценностей, которые в англоязычной литературе обозначаются как «environmental values». Расширив число обзорных статей, мы конкретизировали исследовательские оптики в каждом контексте. Не претендуя на полноту охвата, мы выделили круг проблем, на которых фокусируются исследователи в каждом контексте, и обозначили это как исследовательские оптики.

Рассмотрев две-три статьи внутри каждой исследовательской оптики, с помощью герменевтического анализа и контент-анализа мы выделили ценностные

категории. Использование герменевтического анализа объясняется тем, что ценностные основания той или иной позиции не всегда прописаны прямо, но доступны для понимания. Чтобы избежать субъективизма, герменевтический анализ дополнялся экспертным обсуждением в группе авторов статьи. Разные исследовательские оптики фокусируются на том, что значимо с их точки зрения, то есть на определенном наборе ценностей, который по нашему предположению вычленяется с помощью контент-анализа. Таким образом, герменевтический анализ обеспечивает понимание контекста, а контент-анализ полноту выделения категорий внутри каждого текста. В результате по каждой статье выделялись ценности, базовые для рассуждений исследователей или описываемых ими идей, затем формировались категориальные ряды для каждой исследовательской оптики [Таблица 1].

Ценности отбирались по трем признаками, взятым из данного нами определения зеленых ценностей:

- 1) Разделяются многими;
- 2) Имеют положительное значение;
- 3) Гармонизируют отношения природы и общества.

Ценности, обладающие этими признаками, могли быть сформулированы в форме результата, процесса, отношения, потребности и т.д.

Контексты теоретического обсуждения зеленых ценностей

Позиционные контексты

Позиционные контексты возникают из отношения к господствовавшей долгое время в западной цивилизации парадигме антропоцентризма базирующиеся на пределении места человека по отношению к нечеловеческим существам, к природе, к ценности того, что не является человеческим, западным, рациональным.

В антропоцентрической позиции выделяются три исследовательские оптики: сильный антропоцентризм, слабый антропоцентризм и ноосферный антропоцентризм.

Сильный антропоцентризм заставляет нас заботиться об окружающей среде лишь постольку, поскольку от нее зависит благополучие нас и наших близких [Zachary, Tatsuya, William, Donald, 2018: 407–4018]. При этом ценность определяется не столько разумностью или способностью к чувствительности, сколько собственными интересами, которые могут быть достаточно внятно определены [Norton, 1984: 131–148]. Так, Д. Пассмор соглашаясь с необходимостью ограничить эксплуатацию окружающей среды, скептически относился к идее внутренней самооценности природы и оценивал её как необходимое условие для процветания разумных существ, прежде всего людей [Passmore J., 1975: 106–113]. С позиции сильного антропоцентризма осуществляется большая часть экономических оценок ценности окружающей среды, когда учету подвергаются лишь интересы локального сообщества людей, а природа оценивается сугубо инструментально [Airo, Ryosuke, 2019: 368–371].

Слабый антропоцентризм, который также называется социальным или гуманистическим альтруизмом, расширяет сферу нашей заботы от личности, семьи, локального сообщества до глобального человечества и будущих поколений.

Наглядным примером слабого антропоцентризма является концепция устойчивого развития, которая призывает удовлетворять потребности нынешнего поколения, думая об интересах будущих поколений [World Commission on Environment and Development. Our Common Future, 1987], хотя некоторые исследователи усматривают в развитии этой концепции элементы биоцентризма [Keitsch, 2018].

Ноосферный антропоцентризм связан с русской интеллектуальной традицией космизма [Философия русского космизма, 1996], когда важной целью деятельности является гармонизация отношений с природой, путем её преобразования и совершенствования. Во-первых, человеку в космосе принадлежит совершенно особенная роль. Он обладает творчеством и свободой, поэтому способен наполнять смыслом природный хаос, гармонизировать его [Бердяев, 1993: 172]. Человек не принимает естественное устройство мира, он повсюду преобразует мир, духовность человека одухотворяет мир. Соловьев считал, что отношение к природе – это путь от хаоса к гармонии. Открыть в природе гармонию и свет способен человек своей любовью [Соловьев, 1911–1914]. Во-вторых, по мысли космистов, человек преодолевает природную необходимость не только в духовном плане: «Природа очеловечивается, она способна стать периферическим телом человека, подчиняясь его сознанию и в нем осознавая себя. В этом смысле человек есть центр мироздания, он дает имена животным и, уж разумеется, растениям и минералам, в нем осознает себя Логос мира, и это его потенциальное мировладение ...частично и постепенно осуществляется в хозяйственном процессе.» [Булгаков, 2009: 143]. Мысль философов направляет человечество за пространственные пределы земли, в космические просторы. Будущее человечества связано с расселением в другие миры, преодолению смерти, преобразованию несовершенных человеческих органов [Федоров Н. Ф., 1982: 502]. Для того, чтобы направлять естественные процессы, созидающий человек должен обладать глубокими знаниями об окружающем мире. Именно так считал В. И. Вернадский, когда разрабатывал ноосферную теорию, описывающую принципы гармонии между человеком и природой [Вернадский, 1988: 522]. Таким образом, в русском космизме речь идет не о потребительском антропоцентризме, а о созидательном, ответственном, хозяйском отношении к миру.

Но можно выделить и другие позиции связанные с отказом от антропоцентризма, который проявляется в отказе от иерархии, эксплуатации, веры в исключительность человеческих интересов. Напротив, человек и культура рассматриваются в системе сложных и глубоких связей с природой, уравнивающих человека с другими формами жизни, с другими объектами, лишаящих его центральной роли и значимости. Номо как «сжеживающийся и увядающий проект созидающего себя и разрушающего планету Управляющего» [Харауэй, 2018: 183] преодолевается в этом позиционном контексте различными способами.

Биоцентризм и экоцентризм основаны на идеи внутренней ценности природы, которая проходит эволюцию от осознания ценности всех разумных существ до осознания внутренней ценности экосистем. При этом экоцентризм делает акцент на

сохранении экологических коллективов, таких как популяции, виды и экосистемы, а биоцентризм приписывает ценности отдельным существам [Skandrani, 2016: 541- 548]. В любом случае, право на благополучие [Welfare], понимаемое как эмпирическое и/или биотическое приписывается живому во всем его многообразии, сложности и эволюционной незавершенности [Nolt, 2017: 73–89].

Ярким сторонником идей о внутренней ценности природного мира является основатель глубинной экологии Арне Несс, который убежден, что люди «не могут брать на себя право рассматривать других живых существ как средства [для удовлетворения человеческих нужд]» [Несс, Мейляндер, 2007]. Мир – единое целое, сеть феноменов, взаимосвязанных и взаимозависимых, поэтому мы не можем провести четких онтологических границ между царством людей и природой: «Каждое существо, будь то человек, животное или растение, имеет равное право жить и цвести» [Næss, 1989: 164–165]. Философ утверждает, что наши природоохранные действия должны осуществляться не только ради человечества, но и ради Земли, жизни, тем самым он заставляет нас перешагнуть тесные для современного сознания рамки антропоцентризма.

Другой исследовательской оптикой, преодолевающей антропоцентризм, являются плоские онтологии – картина мира, в которой человек и человеческое не занимают привилегированное место, все объекты равнозначны с онтологической точки зрения: если объекты и различны, различны они лишь между собой [Брайант, 2019], различаются пространственно-временным масштабом [Деланда, 2017: 39], онтологически же они равны. Так, Деланда, используя концепт ассамбляжа, показывает равенство природного и социального измерения плоской онтологии [Деланда, 2017: 35–57], Латур, рассказывая историю берлинского ключа, описывает его как «посредника, социального актора, агента, активного существа» [Латур, 2017: 158–170]. Мортон, отказываясь делить сущности на природные и неприродные, демонстрирует, что границы между живым и неживым недостаточно однозначны и отчетливы [Мортон Т., 2015]. Таким образом, человек в рамках плоской онтологии – это просто объект, наряду с множеством других объектов, что исключает его антропоцентрические амбиции по отношению к другим природным объектам.

Дисциплинарные контексты

Специфические рассуждения о зеленых ценностях мы можем выделить также и внутри академических дисциплин: этики, антропологии, экономики, социологии, социальной психологии, политологии и естественнонаучных дисциплин.

В науках об окружающей среде зеленые ценности обсуждаются в связи с производством зеленой продукции [Chekima, Wafa, SAWSK, Igau, Chekima, Sondoh, 2016: 3436–3450] и развитием зеленых технологий [Rebetzke, Jimenez-Berni, Bovill, Deery, James, 2016: 1919–1924]. Технологическая эффективность связывается со снижением негативного воздействия на окружающую среду и потребления ресурсов. В биологическом контексте естественнонаучная проблематика касается гуманитарных вопросов, например, становления биосферного сознания как ответственного и

заботящегося об интересах природных экосистем и сообществ [Gillet, Aguedo, Petitjean, Morais, Lopes, Lukasik, Anastas, 2017: 4200–4233]. Естественнонаучная проблематика смыкается с экономической, когда речь идет об интересах стейкхолдеров, прибыли и проблем устойчивой экономики.

Контексты рассмотрения зеленых ценностей в экономике связаны, как правило с субъективными ценностями, которые, приписываются на основе индивидуального и социального восприятия объектов реального мира и подчиняются определенным социальным нормам и системам ценностей [Hejnowicz, Rudd, 2017: 875–850]. Они исходят из возможности присвоения стоимостного эквивалента всем ценностям окружающей среды, используя три способа её оценки [Tadaki M., Sinner J. and Chan 2017]. Первый способ «условной цены» или «условной стоимости» сводится к выяснению вопроса, сколько люди готовы заплатить за предпочтительный для них результат оценки окружающей среды. Эти методы называются заявленными методами предпочтения, поскольку они предполагают, что участники заявляют о своей готовности платить, а не фактически платят. Второй способ связан с вычислением рыночной стоимости экологической функции объекта или компонента окружающей среды. Так, стоимость реки складывается из прибыли от грузо- и пассажироперевозок, стоимости лицензий на вылов рыбы, прибыли от туристической деятельности и т.д. Разница с первым способом состоит в том, что в первом случае измеряется гипотетическая стоимость, во втором фактическая. Третий способ связан с оценкой рыночных альтернатив. Любая экосистемная услуга, так называют общественные блага, которые люди бесплатно получают из окружающей среды и правильно функционирующих экосистем, имеет рыночные заменители, её стоимость приравнивается к стоимости самой дешевой альтернативы, благодаря чему происходит оценка. Многие исследователи соглашаются, что необходимо отказаться от монистического подхода в оценивании природных благ: «чтобы охватить множество способов, с помощью которых экосистемные услуги способствуют удовлетворению человеческих потребностей и нужд, требуются различные ценности» [Gómez-Baggethun E., & Martín-López B., 2015]. Они предлагают комплексные методики, охватывающие сразу ряд ценностей. Таким образом, экономическая оценка строится на основе теории рационального выбора, чтобы помочь классифицировать, измерить, и понять разнообразные отношения человека и окружающей среды, а цены позволяют агрегировать предпочтения.

Основная критика экономического подхода к обоснованию ценности окружающей среды разворачивается в двух направлениях: во-первых, далеко не всем зеленым ценностям можно дать стоимостную оценку [Kemmelmeier., Krol, Kim., 2002: 256–285]; во-вторых, общество неоднородно с точки зрения ценностей, которых люди придерживаются в отношении окружающей среды и ресурсов [Cocklin, 1988: 93–104]. В этой связи социология предлагает эмпирически изучить многообразие ценностей и социальных групп в отношении ценностей [Dunlap, Van Liere, Mertig, Jones, 2005: 172–188]. Одним из крупнейших примеров такого исследования является

Всемирное исследование ценностей [World Values Survey]. Так, волна исследований 2017–2020 гг. охватит 80 стран и будет дополнена данными, полезными для мониторинга Целей устойчивого развития. Полученные данные используются для анализа таких тем, как экономическое развитие, демократизация, религия, гендерное равенство, социальный капитал и субъективное благополучие. Кроме того, в социологии изучению подлежат факторы, влияющие на поведение социальных общностей по отношению к окружающей среде, ценности, которые лежат в основе общественных предпочтений и их влияние на общественные институты. Антропология дополняет обзор ценностных предпочтений обществ через анализ культурных практик, экологического мировоззрения и космологических представлений различных общностей [Lea, 2018; Сирина, 2008: 121–138; Адаев, 2017: 137–148].

Понимание фактического поведения людей по отношению к природе и того, что лежит в основе этого поведения находит применение в политической сфере [Cocklin, 1988: 93–104]. Политологи изучают возможности разрешения конфликтов по поводу использования земли [Brown, & Raymond, 2013], анализируют способы, предлагаемые различными дисциплинами, для научно обоснованной оценки природных ресурсов и принятия политических решений на их основе [Stålhammar, Thorén, 2019]. Так, при оценке альтернативных методов выявления конфликтов при землепользовании, возможно следующее понимание причины конфликта – конфликт возникает на основе различий в ценностях ландшафта и предпочтениях землепользователей, которые могут быть сформулированы в виде различных индексов конфликта и представлены на картах. Полученные в результате оценки позволяют участникам обсудить конфликты и достичь консенсуса в отношении землепользования [Brown G., & Raymond C., 2013: 196–208]. Также исследователи отмечают важность учета ценностных оснований общественных практик при разработке законодательства и нормирования деятельности в различных сферах [Гладун, Захарова, 2016: 177–181]. В этой связи важное место занимает проблема наделения правами животных [Guichet, Latouche, 2014: 285–296] и природных объектов [Скрыльников, 2017]. Однако, политики не только принимают решения основываясь на эмпирических исследованиях, но и формируют новую повестку дня, задают стратегические ориентиры [Bergius., Buseth., 2019: 57–83]. И тогда фокус исследований смещается на выработку нормативных идей, уходя из практической сферы в теоретическую. Таким образом, исследовательская оптика в экономике, социологии, антропологии, политологии обусловлена тем, что экологические проблемы являются общественными проблемами, имеющими конкретную локацию и проявления, и не могут быть решены без глубоко анализа предпочтений различных социальных общностей.

Если социология и антропология изучают общественные предпочтения относительно окружающей среды, социальная психология исходит из того, что ценность находится внутри индивидов как структура их приоритетов, а не ценность как указание на важность конкретного объекта окружающей среды [Stern, Dietz, Kalof, 2005: 188–207]. Другими словами, человеческие индивиды обладают основными

приоритетами [ценностями], которые управляют всеми человеческими действиями [Tadaki., Sinner, Chan, 2017]. Социальные психологи разработали несколько подходов к измерению индивидуальных ценностей: опросники, интервью, эксперименты, которые связаны не только с различиями в методах исследования, но и с различиями в том, что именно изучается. Так, значительное число исследований посвящено изучению роли альтруизма в формировании отношения человека к природе, роли биосферных ценностей, экологического воспитания и т.д.

Все описанные дисциплины фокусируются на изучении ценностей, принадлежащих обществу или отдельным людям, в то время как для этики цель состоит в том, чтобы одни ценности были признаны как более важные или значимые, чем другие, чтобы, выстроить ориентиры для более гармоничных отношений с природой. Интерес к экологической этике обострился в конце XX века, когда традиционные для этики подходы стали применяться к новым реалиям, помогая принимать этические решения в условиях экологического кризиса. Этика – нормативная дисциплина, которая фокусируется на описании должного, а не сущего, поэтому экологическая этика изучает моральное отношение людей к природе, а также ценность и моральный статус окружающей среды и её нечеловеческого содержания [Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2002; 2005]. Выстраивая ориентиры для должного поведения, экологическая этика основывается на трех этических подходах: консеквенциализм [действие нейтрально, этичны последствия]; деонтологическая этика [этично само действие]; этика добродетели [этичен субъект, оцениваются его качества]. Кроме того, в экологической этике значительный круг проблем связан наделением внутренней ценностью различных существ, природных объектов и явлений. Эволюция этого вопроса [O'Neill, Holland, Light, 2017] начинается с кантовской этики, которая считается антропоцентричной, когда внутренней ценностью наделяются лишь разумные субъекты, затем происходит расширение круга морально значимых существ за счет признания разумности за некоторыми животными. Затем критерий, определяющий внутреннюю значимость, меняется с разума на способность ощущать боль, иметь чувствительность, что еще больше расширяет круг морально значимых существ. В дальнейшем уже не чувствительность, а наличие интересов позволяет включить в этот круг растения. Однако, до сих пор остается открытым вопрос обоснования внутренней ценности биоразнообразия, экосистем, качества воздуха и воды, стабильности почвы и целостности озонового слоя Земли [Callicott, 2002: 3–25]. Острота теоретических споров иногда снимается обращением к практическим задачам обоснования того или иного решения, прояснения ценностей, концептуального анализа политических действий и стратегий [Transforming our World, 2015]. Таким образом, экологическая этика, пройдя значительную эволюцию в разработке нормативных основ человеческого поведения, не остановилась в своем развитии и способна предложить новые, неожиданные решения.

Идеологические контексты

Если позиционные контексты базируются на отношении к антропоцентризму, а дисциплинарные выделены на основе академических дисциплин, то идеологические контексты исходят из базовой идеи, определяющей исследовательскую оптику. Мы выделили четыре идеологических контекста: глубинная экология, экофеминизм, биорегионализм и экоанархизм.

Главная идея экофеминизма в отношении окружающей среды касается того, что бесправие женщин и эксплуатация природы – явления одного порядка, причина которых – иерархия и господство одних над другими. Формы угнетения женщин, животных и природы связаны с доминирующей концепцией разума в западной философии: привилегией рациональности, измеримости, количественной оценки, анализом затрат и выгод [Spanning, 2016: 63–74], с позиции которой подходят к оценке всех существ, объектов и явлений. Феминистская этика – это место для недопредставленных в западной культуре ценностей, таких как «ценности заботы» [Swanson, 2015: 85–103], биоразнообразие, благополучие животных, сохранение семян [Macgregor, 2014]. В рамках этой парадигмы нечеловеческие существа рассматриваются не как культурные объекты, символы или образцы, а как живые существа со своим собственным опытом, восприятием и интересами, как акторы и индивиды, обладающие внутренней ценностью [Spanning, 2016: 63–74].

Идея внутренней ценности является центральной и для глубинной экологии, соединяясь с идеей биосферной связанности, когда внутренняя ценность существует не сама по себе, а в тесной взаимосвязи со своим окружением. Благополучие любого существа зависит от полноты и богатства его окружения. Идея разнообразия становится центральной для глубинной экологии [Несс, Мейляндер, 2007]: «процветание богатого биологического и культурного разнообразия Земли имеет жизненно важное значение для благополучия человека и ценно само по себе» [Glasser, 2011: 52–77]. Однако, необходимые для этой цели способности человека не развиты в современном мире, и многие люди осознают разрыв между ценностями и повседневными действиями. Поэтому задача установления тесного партнерства между всеми формами жизни [Naess, 1973: 95–100] становится важнейшей задачей глубинных экологов.

Необходимость партнерства утверждается и в биорегионализме, центральная идея которого – деятельность людей должна регулироваться возможностями и потребностями местных экосистем. Все в биосфере имеет равное право жить и цвести, достигать своих собственных индивидуальных форм раскрытия и самореализации в рамках более широкой самореализации [Mason, 1997: 281–306]. Биорегионалисты задаются вопросом: «Как такие признанные человеческим сообществом ценности как благополучие, здоровье, уважение, интересубъективное согласие могут быть перенесены на отношения в рамках биорегиона?», отвечая на этот вопрос с позиции «биоцентрического равенства». Поэтому большое внимание уделяется знаниям коренных народов, которые веками накопили знания об экосистемах, частью которых они являются: «биорегионализм подчеркивает, что природные экосистемы и

культурные контексты должны диктовать или, по крайней мере, влиять на то, как человек организует свои отношения с окружающей средой» [Ankersen, Regan, & Mack, 2005: 409]. Кроме того, огромное значение имеет естественнонаучное знание, потому что «наличие знаний о биоразнообразии является важнейшей предпосылкой для эффективного сохранения биоразнообразия» [Turnhout, Waterton., Neves, Buizer, 2013: 154–161]. Таким образом, биорегион понимается как место, определяемое его жизненными формами, его топографией, биотой, а не диктатом человека; регион, управляемый природой, не законодательной властью.

Еще большей негативной оценке государство и право как инструменты эксплуатации и насилия подвергаются в рамках эконоанархизма. Разделяя главную идею анархистов о безгосударственном состоянии, эконоанархисты в качестве идеала такого состояния избирают природу. Поскольку негативное воздействие человечества на природу подкрепляется авторитетом, иерархией, центризмом и господством над нечеловеческими существами, активисты эконоанархизма предлагают применить принципы анархии к нашим отношениям с не-людьми [Hall, 2011: 374–390]. Кроме того, идея дикости как образца для организации общества становится общей для всех исследователей, относящихся к эконоанархизму: «этическими ценностями в экологической анархии, является признание опыта дикости как вдохновляющего источника индивидуальной свободы» [Smith, 2007: 470–487]. Важной чертой анархического проекта является децентрализация власти, за счет самоорганизации и ответственности, образцы для реализации этого проекта, по мнению эконоанархистов, также можно черпать из природы. Таким образом, анархистское общество не только создает прочную основу для гармонизации человека и природы, но и добавляет новые измерения к гармонизации человека и человека [Bookchin, 1987: 21].

Обсуждение

Понимание ценностей, с которым мы столкнулись в процессе анализа, соответствует тому, что описано в предыдущих исследованиях: ценности являются предметом заботы, выступают как мотивы или результаты действий, общие цели или ориентиры, из которых проистекают отношения к конкретным предметам [Kalof, Satterfield, 2005: 24; Tadaki, Sinner, Chan, 2017]. В зависимости от акцента исследователи интересуются либо тем, почему люди принимают то или иное решение в отношении окружающей среды, либо тем, почему люди должны принимать то или иное решение [Stålhamm, Thorén, 2019]. Кроме того, мы должны учитывать, что далеко не всегда ценности доступны для изучения: «дискурсивные рамки делают недоступными для понимания выражение моральной убежденности, очарования, благоговения или духовного созерцания, которые лежат в основе причин, по которым мы ценим природу» [Kalof, Satterfield, 2005: 29], поэтому многие ценности не находят отражение в теоретической научной литературе или изучены недостаточно.

Полученные нами результаты наглядно показывают категориальное разнообразие, связанное с пониманием зеленых ценностей. Хотя мы анализировали лишь по две-три статьи из каждой исследовательской оптики, мы выделили около 90

категорий, из которых 62 категории не повторяются. Даже если они близки по смыслу, разница в акцентах не позволила нам их приравнять. Так, категории «холизм» и «целое» близки по смыслу, но в первом случае речь идет о приоритете целого над частью, тогда как в другом, скорее, об единстве частей. Эти результаты в целом подтверждают утверждения исследователей о многообразии в понимании зеленых ценностей [Dietz, Fitzgerald, Shwom, 2005; Cocklin, 1988; Martín-López, 2015], но позволяет предварительно оценить размеры исследовательского зеленого контекста, расставляя ориентиры для дальнейших исследований.

Ряд категорий, выделенных нами, сильно различаются, и даже имеют противоположный смысл в разных контекстах и оптиках. Самый наглядный пример – антропоцентризм. Ноосферный антропоцентризм фокусируется на ключевой роли человека в решении экологических проблем, в установлении гармоничных отношений с природой, поскольку именно человек обладает разумом, наукой для решения этих задач. Тогда как глубинная экология, экофеминизм, эконоанархизм признают антропоцентризм главной причиной эксплуатации, неравенства и, в конце концов, экологического кризиса. Другим примером может служить категория «разнообразие», которое в зависимости от дисциплинарного фокуса может означать биоразнообразие, культурное разнообразие, разнообразие мнений. Если учитывать, что категория «разнообразие» одна из самых часто встречающихся, то можно сделать вывод, что даже такие повторяющиеся категории не являются надежной опорой для выстраивания единого смыслового поля зеленых ценностей. По крайней мере, потребуется специальное обсуждение для придания выявленным категориям каких-то общих смыслов.

На роль таких общих категорий, помимо разнообразия, которое встречается в семи исследовательских оптиках, могут претендовать и другие категории, отмеченные на Рисунке 1 более чем одной связью. Так, «благополучие» встречается в пяти исследовательских оптиках с незначительными смысловыми вариациями, семь раз встречается категория «забота», пять раз «равенство» и «экосистема». «Ответственность», которая встречается в четырех исследовательских оптиках дополняется «ответственным потреблением», встречающимся два раза. В семи случаях речь идет о «согласии», солидарности», «сотрудничестве». Ряд категорий встречается в двух или трех случаях. Потенциально, это те категории, вокруг которых возможно организация общего смыслового поля дискуссии о зеленых ценностях, если будет решена проблема перевода смысла той или иной ценности в другой контекст [Tadaki, Sinner, Chan, 2017].

Не менее очевидно, что для выстраивания такой дискуссии, требуется не только понимание различных контекстов, но и умения наладить диалог за границами существующих исследовательских оптик. Основанием для этого может стать обращение к практикам, требующим уже не теоретической, а практической контекстуальности. На это обращают внимание ряд зарубежных исследователей, отмечая практическую значимость осуществляемого ими анализа ценностей. Так,

Каллис Г. и другие [Kallis, Gómez-Baggethun, Zografos, 2013], на основе изученных дискуссий вокруг зеленых ценностей, рекомендуют четыре вопроса-критерия для правильного выбора решений, касающихся природы: приведет ли это решение к улучшению окружающей среды; будет ли при этом соблюдаться равенство и законодательство при распределении ресурсов; сохраняет ли это решение условия для поддержания многообразия мнений и демократии; противостоит ли оно коммодификации в условиях неолиберализма. Другими словами эту же ситуацию выражает Б. Калликотт [Callicott, 2002: 13]: «Роль философов-экологов в экологической политике и процессах принятия решений состоит в том, чтобы использовать инструменты концептуального анализа, прояснения ценностей и этической теории для решения проблемы». Далее, философ подчеркивает, что наличие различных ценностей и целей не препятствует поддержанию одной и той же политики: «те, кто ценит водоплавающих птиц для охоты и те, кто ценит их для наблюдения, могут поддерживать политику сохранения и восстановления среды обитания водоплавающих птиц» [Callicott, 2002: 13].

Ограничения исследования связаны с тем, что были рассмотрены лишь теоретические научные статьи в соответствии с выделенными контекстами и исследовательскими оптиками, что не позволяет претендовать на полноту охвата. Полученные данные могут быть дополнены и уточнены в ходе новых исследований. Кроме того, мы отказались от фиксации смыслового поля и ограничились категориальным. Это объясняется тем, что смыслы выделенных категорий могут различаться в зависимости от контекста, что требует дополнительного анализа.

Таким образом, на основании проведенного исследования мы можем сделать следующий вывод:

1) В качестве существенных признаков зеленых ценностей могут рассматриваться следующие: а) зеленые ценности социально обусловлены; б) зеленые ценности имеют положительное значение; в) зеленые ценности гармонизируют отношения общество-природа;

2) При обсуждении зеленых ценностей возникает категориальное многообразие, которое нами продемонстрировано на материале научных публикаций;

3) Зеленые ценности могут выражаться как предмет заботы, мотив, результат, общие цели, ориентиры;

4) Обширная панорама зеленых ценностей простирается от абстрактных ценностей (справедливость, равенство, забота) до конкретных (способность природы восстанавливать психоэмоциональное и физическое состояние человека);

5) Все ценности можно разделить на две большие группы: ценности «для человека» (т.е. те ценности, вектор которых направлен в сторону гуманизации и гармонизации общество-природа, но целью, которых является благо человека) и ценности «от человека» (т.е. ценности вектор которых направлен на сохранение природы, но при этом цель благо для всего существующего)

б) Одни и те же категории имеют различные смыслы в разных контекстах и исследовательских оптиках;

7) Многообразие категорий и их смыслов приводит к многообразию оценок действий в отношении окружающей среды и оснований для принятия решений.

Библиографический список

Адаев В. Н. О роли традиционного мировоззрения народов севера в качестве регулятора режима природопользования // Этнос и среда обитания. Сборник статей по этнической экологии. Вып. 5. Исследования систем жизнеобеспечения / Н. А. Дубова, Н. И. Григулевич, А.Н. Ямсков [ред.]. М.: Старый сад, 2017. 204 с.

Бердяев Н. А. Человек. Микрокосм.и макрокосм. //Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.

Брайант Л. Р. Демократия объектов / Л. Р. Брайант; пер. с англ. О. С. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.

Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 522 с.

Волков В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

Гирусов Э. В. Экологический кризис // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М. СПб. Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. 1160 с.

Гладун Е Ф., Захарова О. В. Этические основы международного экологического права // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 413. С.177–181. DOI: 10.17223/15617793/413/27.

Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос, 2017.27: 3.35- 57. С. 39.

Латур Б. Берлинский ключ // Логос, 2017. 27: 2. С. 158–170.

Мортон Т. Экология без природы // Художественный журнал, 2015. № 96 [Электронный ресурс] // Художественный журнал: [веб-сайт]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252> (дата обращения: 08.01.2020).

Несс А., Мейляндер П. Менталитет будущего [Электронный ресурс] // Ладожская хроника: [веб-сайт]. URL: <http://www.ladoga-park.ru/a100525161053.html>. (дата обращения: 08.01.2020).

Сафронов П. А. Сообщества, справедливость, активизм: экологическая перспектива в социальном познании // ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. УМЕНИЕ. 2011. № 1. С. 81–87.

Сирина А. А. Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов // Этнографическое обозрение. М.: 2008. № 2. С. 121–138.

Скрыльников П. Священная река в Новой Зеландии получила права человека – [Электронный ресурс] // Независимая газета: [веб-сайт].URL: http://www.ng.ru/world/2017-03-17/2_6951_newzealand.html

Соловьев В. С. Красота в природе // Собр. соч: В 10 т./ Под ред. и с примеч. С. М. Соловьева, Э. Л. Радлова. 2-е изд. – СПб., 1911–1914. Т.6. 492 с.

Федоров Н. Ф. Философии общего дела // Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.

Философия русского космизма. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 376 с.

Харауэй Д. Тентакулярное мышление // Крамар М., Саркисов К. [ред.] Опыты нечеловеческого гостеприимства: Антология. М.: V-A-C press, 2018. 336 с.

Airo H., Ryosuke I. Ranking and Rating: Neglected Biases in Factor Analysis of Postmaterialist Values // International Journal of Public Opinion Research. 2019.31: 2. P. 368–381.

Ankersen T. T., Regan K. E., & Mack S. A. 2006. Towards a bioregional approach to tropical forest conservation: Costa Rica's Greater Osa Bioregion. Futures, 38[4]. P. 406–431. doi: 10.1016/j.futures.2005.07.017.

Bergius M., Buseth J. T. Towards a green modernization development discourse: the new green revolution in Africa// Journal of Political Ecology, 2019. 26, 1. P. 57–83. <https://doi.org/10.2458/v26i1.22862>.

Bookchin M. Ecology and Revolutionary Thought // Antipode, 1978. 10–11[3–1]. P. 21–21. doi: 10.1111/j.1467–8330.1978.tb00113.x.

Brown L. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Clarendon, 1993. 2 vols, pp. xxvii + 1876, viii + 1877–3801. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Brown G., & Raymond C.M. Methods for identifying land use conflict potential using participatory mapping. Landscape and Urban Planning, 122, P. 196–208. doi: 10.1016/j.landurbplan.2013.11.007

Callicott J. B. The Pragmatic Power and Promise of Theoretical Environmental Ethics: Forging a New Discourse. Environmental Values, 11[1], P. 3–25. doi: 10.3197/096327102129340957.

Chan K. M., Gould R. K., & Pascual U. Editorial overview: Relational values: what are they, and what's the fuss about? // Current Opinion in Environmental Sustainability, 2018. doi: 10.1016/j.cosust.2018.11.003.

Chekima B., Wafa, SAWSK, Igau O.A., Chekima S., Sondoh S.L. Examining green consumerism motivational drivers: does premium price and demographics matter to green purchasing? // Journal of Cleaner Production, 2016. 112. P. 3436–3450.

Clark, April K., Carlisle, Juliet E. Pushing a Green Agenda: Explaining Shifting Public Support for Environmental Spending // POLITICAL RESEARCH QUARTERLY, 2019. Номер статьи: UNSP 1065912918817193.

Cocklin C. Environmental values, conflicts and issues in evaluation. Environmentalist, 1988. 8. P. 93–104. doi: 10.1007/BF02240274; Durand L. Power, identity and biodiversity conservation in the Montes Azules Biosphere Reserve, Chiapas, Mexico// Journal of Political Ecology, 2019. 26, 1. P. 19–37. <https://doi.org/10.2458/v26i1.23160>.

Dietz T., Fitzgerald A., Shwom R. Environmental Values // Annual Review of Environment and Resources, 2005. P. 335–372. doi: 10.1146/annurev.energy.30.050504.144444; Cocklin C. Environmental values, conflicts and issues in evaluation. // Environmentalist, 1988. 8, 93–104. doi: 10.1007/BF02240274.

Dunlap R. E., Van Liere K. D., Mertig A.G. and Jones R.E. Measuring Endorsement of the New Ecological Paradigm: A Revised NEP Scale // Kalof L, Satterfield T, eds. The Earthscan Reader in Environmental Values. London: Earthscan, 2005. P. 172–188.

Gillet S., Aguedo M., Petitjean L., Morais A. R. C., Lopes A. M. D., Lukasik R. M., Anastas P.T. Lignin transformations for high value applications: towards targeted modifications using green chemistry// Green Chemistry, 2017. 19: 18. P. 4200–4233. DOI: 10.1039/c7gc01479a.

Glasser H. Naess's Deep Ecology: Implications for the Human Prospect and Challenges for the Future // *Inquiry*, 2011. 54[1]. P. 52–77. doi: 10.1080/0020174x.2011.542943

Gómez-Baggethun E., & Martín-López B. Ecological economics perspectives on ecosystem services valuation. In *Handbook of Ecological Economics*, 2015. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. doi: <https://doi.org/10.4337/9781783471416.00015>.

Guichet J.-L. and Latouche K. The question of animal pain: the issues for debate // *Advances in Animal Biosciences*, 2014, 5: 3, P. 285–296.

Hall M. Beyond the human: extending ecological anarchism // *Environmental Politics*, 2011. 20[3]. P.374–390. doi: 10.1080/09644016.2011.573360.

Hejnowicz A.P., Rudd M.A. The Value Landscape in Ecosystem Services: Value, Value Wherefore Art Thou Value? *Sustainability*, 2017, 9. P. 875–850.

Kallis G., Gómez-Baggethun E., Zografos C. To value or not to value? That is not the question. // *Ecological Economics*, 2013. 94: 97–105. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ecolecon.2013.07.002>.

Kalof L, Satterfield T, eds. *The Earthscan Reader in Environmental Values*. London: Earthscan, 2005.

Keitsch M. Structuring Ethical Interpretations of the Sustainable Development Goals—Concepts, Implications and Progress // *Sustainability*, 2018, 10, 829; doi: 10.3390/su10030829.

Kemmelmeier M., Krol G., Kim Y.H. Values, economics, and proenvironmental attitudes in 22 societies// *Cross-Cultural Research*, 2002. 36: 3. P. 256–285.

Klain S.C., T.A. Satterfield, and K.M.A. Chan. What matters and why? Ecosystem services and their bundled qualities// *Ecological Economics*, 2014. 107: 310–320. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ecolecon.2014.09.003>

Lea Y.S. The Praxis of Cultural Sustainability: A Q'eqchi' Maya Case of Cultural Autonomy and Resistance against the Monsanto Law in Guatemala// *Theory in Action*. 2018. № 11/4, 44–73. DOI: 10.3798/tia.1937–0237.1825;

Macgregor S. Only Resist: Feminist Ecological Citizenship and the Post-politics of// *Climate Change*, 2014. 29, 3.

Mason M. Democratising Nature? The Political Morality of Wilderness Preservationists. *Environmental Values*, 1997. 6[3]. P. 281–306. doi: 10.3197/096327197776679086

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens III W.W. *The Limits to Growth*. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind, 1972.

Merchant C. *Radical Ecology*. Routledge, New York, 1992

Naess A. The shallow and the deep, long-range ecology movement // *Inquiry*, 1973. P. 16[1–4]. P. 95–100. doi: 10.1080/00201747308601682

Næss Arne *Ecology, community and lifestyle*. Cambridge University Press. P. 164- 165.

Nolt, J. Are There Infinite Welfare Differences among Living Things? // *Environmental Values*, 2017. 26[1], 73–89. doi: 10.3197/096327117x14809634978591.

Norton B. G. Environmental ethics and weak anthropocentrism// *Environmental Ethics*, 1984. P. 131–148.

O'Neill J. A. Holland, and A. Light. *Environmental values*. Routledge, London, UK, 2008.

Passmore J. Man's Responsibility for Nature // *Philosophy*, 1975. 50 [191]: 106–113.

Rebetzke G. J., Jimenez-Berni J. A., Bovill W. D., Deery D. M., James R. A. High-throughput phenotyping technologies allow accurate selection of stay-green// *Journal of Experimental Botany*, 2016. 67: 17. P. 4919–4924. DOI: 10.1093/jxb/erw301.

Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // *The Journal of Personality and Social Psychology*, 1987. 53: 550–62.

Skandrani Z. From “What is” to “What Should Become” Conservation Biology? Reflections on the Discipline’s Ethical Fundamentals// *Journal of Agricultural and Environmental Ethics*, 2016. 29[3], 541–548. doi: 10.1007/s10806–016–9608–9.

Smith M [2007] Wild-life: anarchy, ecology, and ethics // *Environmental Politics*, 2007. 16[3]. C.470–487. doi: 10.1080/09644010701251714

Spannring R. Animals in environmental education research // *Environmental Education Research*, 2016. 23[1]. P. 63–74. doi: 10.1080/13504622.2016.1188058.

Stålhammar S., Thorén H. Three perspectives on relational values of nature// *Sustainability Science*, 2019. 14: 1201–1212. <https://doi.org/10.1007/s11625–019–00718–4>

Stanford Encyclopedia of Philosophy. First published Mon Jun 3, 2002; substantive revision Tue Jul 21, 2015.

Stern P. C., Dietz T. and Kalof L. Value Orientations, Gender and Environmental Concern // Kalof L, Satterfield T, eds. *The Earthscan Reader in Environmental Values*. London: Earthscan, 2005. P. 188–207.

Swanson L. J. A Feminist Ethic That Binds us to Mother Earth // *Ethics & the Environment*, 2015. Indiana University Press. 20, 2. P. 83–103.

Tadaki M., J. Sinner, and K.M.A. Chan. Making sense of environmental values: a typology of concepts. *Ecology and Society* 22[1]: 7.

The World Values Survey [Электронный ресурс] // World values survey: [веб-сайт]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 08.01.2020).

Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations, 2015. – [Электронный ресурс] // Sustainable development goals: [веб-сайт]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld/publication> (дата обращения: 19.01.2020).

Turnhout E., Waterton C., Neves K., Buizer M. Rethinking biodiversity: from goods and services to “living with”// *Conservation Letters*, 2013. 6. P. 154–161. doi: 10.1111/j.1755–263X.2012.00307.x.

World Commission on Environment and Development Our Common Future; Oxford: Oxford University Press, 1987.

Zachary B.H., Tatsuya A., William S.J., Donald P.F. Governance explains variation in national responses to the biodiversity crisis// *Environmental Conservation*, 2018. 45: 4. P. 407–418.